

Вырезка из газеты

ИЗВЕСТИЯ

17 АПР 402

Москва

Спектакли киевского театра им. Ив. Франко

Киевскому театру имени Ив. Франко — 20 лет. Еще гремели пушки на полях гражданской войны, еще паны «огнем и мечом» пытались расправиться с революционным народом, когда группа энтузиастов-актеров положила начало жизни нового украинского театра. Театр создавали актеры, работавшие в героической Красной армии. Подлинным энтузиастом, пионером и начинателем нового «дела» был тогда еще молодой украинский актер Г. П. Юра, ныне народный артист республики, бессменный руководитель и режиссер театра им. Ив. Франко.

Немало трудностей, мучительных исканий было в жизни театра за эти двадцать лет, но к своему юбилею он приходит как один из лучших театров Украины, в котором работают такие выдающиеся деятели украинской сцены, как Ужвий, Бучма, Юра, Ватуля, Шумский.

В юбилейной программе — лучшие постановки театра за последние годы: «Богдан Хмельницкий» А. Корнейчука, «Хозяин» и «Суета» Тобилевича, «Ревизор» Гоголя, «Ой, не ходи, Грицю, та на вечерниці» Старицкого, «Последняя жертва» Островского, «Украденное счастье» Ив. Франко. Но странно, в этой юбилейной афише очень мало имен украинских советских драматургов. Театр в текущем сезоне не поставил ни одной пьесы современного украинского писателя. Правда, после «Богдана Хмельницкого» А. Корнейчука украинская драматургия ничего значительного и интересного как будто не создала. Правда, существует пьеса

Юр. Яновского «Потомки», еще никем не поставленная.

Но было бы несправедливо адресовать упреки одним только драматургам. В том, что в репертуаре украинских театров почти нет пьес современных украинских драматургов, в равной степени виноваты и театры. Они слишком быстро успокоились на том, что нет «предложения», и обратили свои взоры либо к классикам, либо к русским драматургам. А между тем появились и новые имена, и новые замыслы. Так, пока еще никем не замечен молодой драматург Левада, чья пьеса «Ой, у полі півка» с успехом могла быть поставлена на сцене. Популярны драматурги пишут на «общий» заказ Управления по делам искусств. Театры же ставят, изучают и разыскивают только классику.

«Последняя жертва» (режиссерская работа В. Б. Вильнера) — спектакль, который с большим удовольствием посещает киевский зритель. Пьеса эта впервые поставлена на украинской сцене.

В центральной роли Юлии Павловны Тугиной артистка Н. М. Ужвий создает образ необычайной поэтической прелести и обаяния. Ужвий прекрасно чувствует поэтическое своеобразие пьесы Островского. Совершенно неожиданно во II акте Ужвий превращает свою несколько медлительную, поэтическую, мечтательную Юлию в существо, исполненное грациозности, кокетства и лукавства. Здесь интонации Ужвий неожиданны и вместе с тем

очень непосредственны и естественны. Но в то же время чувствуешь, что в глубине души Юлии-Ужвий — стыд и неловкость, граничащие с отчаянием. Игра Ужвий выражает самые неподдельные человеческие чувства. Это — сама жизнь, но жизнь поэтическая, преображенная, где правда жизни и правда искусства сливаются в одном могучем и чистом потоке.

В игре Ужвий в роли Юлии звучит и тема Наташи из «Трудового хлеба», и тема Ларисы из «Бесприданницы». Ее Юлия — отнюдь не комический персонаж, выставленный драматургом на всеобщее посмеище. Судьба ее даже трагична, ибо это судьба женщины в том обществе, где любовь, чувство, красота, достоинство, способность к самопожертвованию расцениваются по-торгашески, как на бирже.

Однако в постановке В. Б. Вильнера эта тема, несмотря на все обаяние и глубину игры Н. М. Ужвий, не получает своего полного и цельного выражения. Отказавшись от пропущенного отношения к образу Тугиной, режиссер несколько облегчил звучание темы торга, мелочной игры и суесть вокруг личного горя Юлии. Слишком лапидарным оказался нам Фрол Федулч, купец, готовый покровительствовать Юлии, как будто заинтересованный в ее судьбе, но прежде всего стремящийся к удовлетворению своих желаний. Фрол Федулч в исполнении артиста Ватули выглядит очень благообразным и походит скорее на какого-то пастора — проповедника нравственности и благопристойности, чем

на умного, прозорливого, но ждущего своего черед, своего часа купца.

Не было достаточной силы, сочетающейся с цинической распушенностью, и в образе Дульчина (Дуклер). Артисту нельзя было отказать в обаятельности, в умении легко и непринужденно вести диалог, но всем своим обликом, всей своей сущностью он был слишком очевиден даже для Юлии Павловны и потому противоречил тому рисунку и трактовке образа, который был бы в пору Юлии-Ужвий.

С настоящим блеском сыграл Дергачев арт. Пономаренко. В стиле пьесы Островского была игра Романенко (Лавр Мироныч) и Барвинской (Ирина). Эта встреча с Островским значительна и благодатна для театра им. Ив. Франко. Игра же Ужвий закрепила многие недостатки спектакля.

В юбилейные дни поставлена пьеса Ив. Франко «Украденное счастье». Это первая встреча театра с драматургией великого поэта, имя которого он носит двадцать лет.

«Украденное счастье» названо драматургом «драмой из сельской жизни». Но это скорее трагедия. В клубке неразрешимых противоречий завязаны судьбы трех ее героев. Личная драма Миколы Задорожного, Михайла Гурмана и Ганни всем ходом своего развития превращается в драму общественную, в трагедию целого народа, загнанного в глухие ущелья Карпатских гор, лишенного радости жизни, обреченного на тяжелую борьбу за существование. Пьеса Франко — это пьеса о былой трагедии гуцульского народа, его сынов.

Ганну играет Н. М. Ужвий. Миколу Задорожного — А. М. Бучма, Михайла Гурмана — И. В. Шумский.

Много лет назад братья Ганны, желая воспользоваться ее правом на часть отцовского наследства, разлучили ее с любимым человеком — Михаилом

и выдали замуж за крестьянина Миколу. Михайла отдали в солдаты, на военную службу, а Ганна покорилась своей женской доле. Отслужив свой срок, Михайл стал жандармом.

В снежную бурю, в непогоду в окно хаты Миколы Задорожного раздается стук путника, заблудившегося в горах. Это Михайл. Сюда, в глухие места, привела его служба, — где-то поблизости была вырезана семья линкаря, и он прибыл на следствие. Вернувшегося той же почтой из дальней поездки Миколу, которого по дороге избил войт, Михайл заподозревает в преступлении в корчме. Миколу арестовывают, а между Ганной и Михайлом вспыхивает с неудержимой силой прежнее чувство. Следствие не подтверждает вины Миколы, и он возвращается домой. Здесь-то и возникает основная драматическая ситуация пьесы, ситуация, завершающаяся убийством Михайла. Во время ссоры его убивает Микола. Он мстит за украденное счастье.

Редко нам приходилось видеть такую проникновенность и скупость актера с образом, как в игре А. М. Бучмы. Его Микола Задорожный предстал пред нами во всей своей жизненной очевидности даже тогда, когда на репетициях актеру не помогали ни грим, ни костюм. Вот он стоит, сгорбленный под тяжестью жизни «свободного» крестьянина, надломленный жестокой борьбой за существование, угнетенный порядками империи Франца-Иосифа, произволом панов и жестокостью их паемников — войтов, и мы явственно чувствуем трагедию человека, его тихую тоску и смиренность перед судьбой. Одно счастье мерцает в глазах этого полусгорбленного человека — это Ганна. Разве мы можем отказать ему в праве на такое человеческое счастье? Нет! Но это счастье как будто краденое. Ведь Ганна его

не любит и не забыла другого. Однако не жалость к слабому человеку рождает в нас своей игрой А. М. Бучма, а чувство гражданского протеста, сострадания к участи этих людей, порою даже не знавших, где истинные причины их несчастья.

Г. П. Юра поставил этот спектакль как лирическую бытовую драму. В спектакле много интимной простоты и лирики. Печальной гуцульской песней открывается занавес. На всем лежит печать придавленности и монотонного однообразия.

Н. М. Ужвий исполняет роль Ганны с той же проникновенностью, которая отличает ее игру во всех виденных нами ролях. Ужвий и в этой роли возвышает героиню своим романтическим, лирическим темпераментом. При «тесноте слов», при удивительной собранности и лаконичности игры Н. М. Ужвий создает образ огромной поэтической силы.

И. В. Шумский играл свою роль Михайла Гурмана, роль психологически неясную, во всяком случае трудную, отныне убедительно, четко, в хорошем темпе. Психологический орнамент образа он лепил скупой и благородно, не огрубляя и не смягчая его.

Таковы последние спектакли театра им. Ив. Франко. Нам хочется пожелать ему в дальнейшем приобрести еще большее единство ансамбля, стремиться к утверждению своего собственного стиля, стиля романтического, несколько не считаясь с ложными традициями, со старыми навыками «побуткового» театра. От них он мужественно отходит, но хочется, чтобы этот процесс протекал более быстро.

Такой театр, как Киевский театр им. Ив. Франко, имеет все основания стать театром подлинной героики и высокой комедии.

В. ЗАЛЕСКИЙ.